

**Карина
Сарсенова**

Дар

Карина Сарсенова

Дар

«Грифон»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-441

Сарсенова К. Р.

Дар / К. Р. Сарсенова — «Грифон», 2018

ISBN 978-5-98862-425-7

Два новых романа Карины Сарсеновой – «В кубе» и «Дар» – посвящены поиску места человека в решающей битве. Битве между Тьмой и Светом всего Мироздания... И у каждого человека есть выбор. Там, где отсутствует выбор, нет жизни. Потому что нет любви. А там, где нет любви, нет и истинной красоты. Красота как гармония – это идеал, та точка идеального баланса, к которой подсознательно стремится воплощённое существо. Но идеальный баланс недостижим. Так задумал Всевышний. Мы одержимы идеалом, но обречены извечно искать его и не находить, страдать, но не получать исцеления, а только приближаться к нему, не дотягиваясь до него. Но именно любовь – тот самый ключевой элемент, который помогает сделать правильный выбор и отличить Добро от Зла.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-441

ISBN 978-5-98862-425-7

© Сарсенова К. Р., 2018
© Грифон, 2018

Содержание

В кубе	5
Глава 1. Номер 1. Реальность А	5
Глава 2. Номер 1. Реальность Б	7
Глава 3. Номер 1. Реальность В	10
Глава 4. Номер 1. Реальность Г	13
Глава 5. Номер 1. Реальность Б	15
Глава 6. Номер 1. Реальность В	17
Глава 7. Номер 1. Реальность Г	19
Глава 8. Номер 1. Реальность А	22
Глава 9. Номер 1. Реальность В	25
Глава 10. Номер 1. Реальность Б	26
Глава 11. Номер 1. Реальность В	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Карина Сарсенова

Дар. Фантастические романы

В кубе

Глава 1. Номер 1. Реальность А

Мальчик не плакал. Он просто смотрел. Смотрел в пустоту. В выжженное в сердце ничто. В ту боль, которую превращала из нестерпимой реальности в сонное забвение истерзанная в ключья душа. Она больше не могла плакать. Она смирилась.

Сколько раз он уже видел всё это! Одно и то же. Бег по кругу. Хотя бы кто из них вёл себя иначе. А ведь он с энтузиазмом, заслуживающим хоть какого-то уважения, искал разнообразия! Надоело.

Сжал пухлой, но по-мужски крепкой рукой тощую мальчишечью шею. Нет, душить его он не станет. Он не убийца. Не грешник. Заповедей не нарушает. То, что он делает, является очищением. Очищением от порочной любви. Служителю религии любить запрещено. А вы думали, он делает всё это из-за любви? Да он терпеть не может мужские тела, особенно на заре их развития, их детство, бесстыдно открывающее миру будущую порочность мужского начала в её кажущейся хрупкости и невинности!

Он ненавидел детство. Ненавидел любовь и боролся с ней как мог. Потому что любил.

Он отпустил тощую мальчишескую шею. Красные пятна на бледной коже вызвали в нём волну глухого раздражения. Так с ним бывало всякий раз после разрядки. Опустошение.

Насыпав мальчишке в карман шоколадных конфет (дурацкая, однако действенная привычка хоть чем-то, но откупиться от греха), вытолкал его за дверь. Туманная ночь вобрала тонкий силуэт в себя мгновенно и беззвучно. Мальчик ничего никому не скажет. Страх быть проклятым и отлучённым от церкви, самому и своей семье, страх непонятный, но эффективный, срабатывал всегда.

Родителям он скажет, что заигрался допоздна и заблудился во внезапно накрывшем посёлке тумане.

Он не курил. Курение – грех, как и все зависимости человеческой плоти. Но страшнее всего – зависимость души. Любовь. Чёрт бы её побрал. Он любил. И ничего не мог поделать с прилипчивым до изнеможения чувством.

А может быть, не хотел?

Иначе зачем соблюдать неведомо кем прописанные правила и верить? Верить во что, если не в любовь?

Перед тем как лечь в постель, он провёл пальцем по отвёрнутой к стене фотографии. Но, как бы долго ни было скрыто от него отображённое на бумаге лицо, он отчётливо видел каждую его чёрточку. Отпечаток другой души на его собственной душе... Сколько лет он жил словно чья-то неудачная фотография! Жил не своей жизнью. Жил прихотью противного его сердцу чувства.

Прежде чем позволить себе провалиться в оглушающую пустоту сна, он помолился. Попросил Бога сделать так, чтобы никогда не встретиться с человеком, изображённым на фотокарточке. Потому что до сих пор не знал, что сделает при встрече. Односельчане знали его как необыкновенно доброго, заботливого, пекущегося о благе других человека... Но только он один чувствовал: та тёмная часть души, которая присутствовала в нём с момента рождения, с каждым днём росла. Медленно, но верно набирала вес и силу.

И превращалась в иное, обособленное, самостоятельное существование.

Душа человека без души.

Душа хищного зверя.

Крик хищной птицы разорвал отдохновение в кровавые клочья.

Нет, птица ему приснилась.

Как и сон, страшный и привлекательный. Жуткий и красивый. Яростный и страстный.

Сон о жизни и смерти.

И кричал в нём он сам. Иногда мужским, иногда женским голосом.

Но вопрос гендерной принадлежности волновал его в наименьшей степени.

Потому что именно в том сне он случался собой настоящим.

А настоящее бытие дарит неподдельным счастьем.

Ему снился сон. Один и тот же единственный сон на протяжении всей его жизни.

Он брал её снова и снова. Она больше не кричала. Её глаза, наполненные стеклянной отрешённостью, смотрели в пустоту. В ничто, в которую истерзанная душа превращала невыносимую боль. Боль от него. И его самого. И он каждый раз просыпался с немым, не вырвавшимся из груди криком. Пустота из сна затягивала его, вбирала каждый вдох, каждый удар сердца... Превращала его в себя, в пустоту смерти, в пустоту бессмысленности бездуховного бытия...

Глава 2. Номер 1. Реальность Б

Он закурил. Плевать, что мулла запрещает курить. Он и выпивает иногда, перед сном, в тишине своей холостяцкой берлоги.

Тема муллы – особенная. Он почти восхищался этим ловким интриганом. Хитроумно, в обход разуму и смыслу, а одновременно и беззастенчиво напролом вешать неудачникам лапшу на уши! Все они, кто, открыв рты, внимали несусветной ахинее, щедро льющейся из лужёного лже-муллинского горла, были мечены одним клеймом. Неудачники. Все до единого – неудачники.

А он сам? Да ничем не лучше остальных.

Такой же неудачник.

А вот мулла и крутые ребята, стоящие за его красноречивой белибердой, неудачниками явно не были. Они-то оставляли свои жизни при себе, к тому же деньги гребли лопатой!

Счастье – это умение красиво и выгодно (ну да, выгодно красиво!) обставить факт личного существования.

Они вовсе не лишены ума. Пытались его раскусить. Таких, как он, подозреваемо безверных, они не любят. Боязно давать оружие человеку, не верящему в их Бога. Идея – сильнейший мотиватор. Да, они платили каждому смертнику какую-то сумму, но, по правде говоря, копейки. Почему тогда ему положили на счёт больше? В десятки раз больше обычной «зарплаты» за самоубийство с прицепом в сотни человеческих, по соседству оказавшихся жизней?

Не разжалобил он их рассказами о тяжелобольной сестре. Какая она ему сестра, брехня всё это. И они наверняка прознали про его наивную ложь. Но согласились и выплатили сто-процентным авансом требуемую сумму. Причина? Надеются после его ухода завербовать эту несчастную девицу.

Вот это наваждение он, гордящийся своим рациональным рассудком, никак не мог объяснить. Увидел в Инстаграме фотку незнакомой девчонки, на вид лет двадцати. С жалобным текстом внизу: собираем, мол, деньги на пересадку почки. Девчонку угораздило родиться с недоразвитой почкой, и без двух полноценных почек она не сумеет стать матерью. Никогда.

Он вообще-то отродясь не вёлся на подобные соплераспускания.

Мир жесток, выживает сильнейший. Родился ущербным – сдохни. Скольким молящим глазам с подобных идиотских фоток он посылал в ответ бесплатную холодную усмешку.

А тут словно солнечный зайчик залетел в ледяное, давно мёртвое сердце и коснулся его давно забытым (или никогда не ведомым) неземным теплом. Не прикосновение – ожог, вот что он ощутил!

И с того мгновения не имел сил и желания изгнать её взгляд из оставшихся дней собственной, медленно утекающей жизни...

Может быть, это и роднило их – факт неотвратимой, причём скоро неотвратимой смерти? Возможно. Точно он не знал.

Здесь знание рассудка оказывалось лишним.

Он знал печёнкой, подвздошьем чувствовал: между ними есть невидимая, но прочная связь.

Удивительно, но он вовсе не хотел её как женщину! Ощущение приближающейся смерти обострило в нём сексуальную потребность. Наверное, бессознательная часть души продолжала цепляться за жизнь...

Самоудовлетворение вышло в приоритет имевшихся в его распоряжении ценностей. С кем только не было у него секса в пределах воображаемой реальности! Дали бы ему волю уйти в эту реальность полностью и навсегда...

Но они, крутые парни, стоявшие за велеречивым лжесвященником, не отпустят его ни в какое иное пространство, кроме реальности личного небытия.

Поэтому и денег дали заранее, правда, тоже виртуальных, мёртвым числом застывших где-то там, в каком-то банке, прицепом к комбинации лично за ним закреплённых цифр... Виртуальные деньги на виртуальном счету...

За вполне реальное массовое убийство.

Он может их снять хоть сейчас, но не будет этого делать. Парни прекрасно знают и эту часть его плана.

Всё равно, как бы он ни отрицал факт собственной отличности от лузеров по вере, он во всём идентичен им. Просто у него другая вера. Непонятная ему самому, но вера.

Вера в то, что жизнь, более счастливая и оттого более настоящая, может продолжиться если не в нём, то к ком-то другом. В этой наивной девахе с экрана смартфона. Той самой, которая мечтает получить шанс на счастье, получить почку и родить ребёнка.

Ребёнка, чужого ему по крови, но родного по душе.

Он ведь оплатит его появление в этом мире!

Он ни разу не задумывался о первичности материи или духа. И о том, обладает ли подлинной свободой выбора.

Или является инструментом в чётко отлаженной системе?

Метафизика не волновала его ничуть. Но гнев в душе, спрессованный в болезненно плотный ком, сочился кровью и требовал выхода.

Душа, освободившаяся от гнева... Пусть даже ценой сотен невинных жизней... После смерти он обретёт долгожданный покой. Он выродит ненависть и ярость в этот бездушный и враждебный мир.

А после придёт новая жизнь, очистившаяся от зла и оттого более счастливая...

Родить того, в ком продолжится его неудавшаяся жизнь, его нерождённая мечта, не совершённое им добро...

Почему дети должны только лишь отвечать за грехи родителей, но не становиться счастливее за них? Вместо них? Наперекор их нечистоте?

Он не знал своих родителей. В детском доме сказали, что он был найден на помойке. Его подобрал бомж и принёс на базар продавать. Как овощ, как картошку. Бомжу были нужны деньги на бутылку.

Бутылка была его счастьем.

А сам он тогда и был овощем, почти мёртвый, обессиленный голодом и стылым октябрьским воздухом, новорождённый комочек отказной жизни...

Он не стал выяснять, кем случилась его мать, кто значился отцом, искать их горе-родителей.

Людей, давших ему жизнь не в счастье, но в горе. Наверное, поэтому и жизнь его развернулась чередой нескончаемых антипраздников.

С момента зачатия разочарование стало логотипным чувством, точно и ёмко описывающим всю картину его мира.

Искать – глагол не для него. Подтверждать избранную «правоту», поддерживать доставшийся статус человеконенавистника жёстко, жёстко и неправомерно агрессивно – вот его действия.

Зачем искать? Чтобы фальшивые родители отказались от него ещё раз? Взрослые же были люди, значит, имели веский повод для выкидывания младенца на свалку. Хотя он бы предпочёл, чтобы его просто задушили. Несчастливого бомжа из-за него в обезьяннике заперли... Однако для человекоподобного счастливец от бутылки арест был к лучшему. В клетке он наверняка маленько отогрелся и поел...

Интересно, а что может послужить поводом, достаточно веским, для отказа от новорождённой тобой же жизни? От ощущения глубинной связи с маленьким, но очевидным чудом?

Ты дала жизнь!

Ты почти что Создатель!

Ты сотворила, продлив из собственного, биение столь близкого тебе сердца!

И как возможно это биение прервать?..

Что приобретает большее значение для родителя, чем родное дитя?

Что разрушает врождённую гармонию жизнь дающего и жизнь длящего, родителя и ребёнка, с лёгкостью и виртуозностью многоопытного зла?

Бедность? Нищета?

Деньги?

Ослепление материальной стороной мира?

Но жизнь – это тоже материя, если есть тело и факт его рождения.

Почему же тогда бездушная материя денег побеждает физическое воплощение человеческого разума?

Или разум – тоже иллюзия большинства людей? Подделка их существования.

Если нет своего разума, можно позаимствовать лжесознание денег или власти.

А, неважно. Пусть мир сам разбирается с доставшимися ему противоречиями.

У него всё в порядке.

Есть сделка. Его жизнь за жизни множества незнакомых ему людей.

Счастье пусть физически ему неродного, но его по духу ребёнка в обмен на чужие и потому оравно-душленные им слёзы и боль.

Поэтому они, крутые парни, диктующие мулле, сразу после выполнения им задания переводят всю сумму той девахе на счёт. Пусть у неё окажется достаточно денег для продолжения своей жизни и рождения новой...

Всё личное кипение ненависти к этому миру и отсутствию в нём Бога он вложит в выполнение задания. А то лучшее, что оставит после себя, пускай отразится светлой радостью в её глазах, едва она услышит весть, ответив на звонок из банка: сумма на вашем счету, присланная незнакомцем, полностью покрывает операцию, восстановление после неё, ведение беременности и роды...

Его давно выпустили из лагеря. Обучение было закончено. Велели ждать задания.

Он и ждал.

Глава 3. Номер 1. Реальность В

Он ждал нового задания от Гуру. Ждал со смесью ужаса и счастья. Задания Гуру давал конкретные, сложные и требовал их неукоснительного выполнения. За малейшую провинность полагался штраф.

Штраф! Бог и дьявол. Жизнь и смерть. Наслаждение и страдание.

Его недавно оштрафовали снова. Невероятное, мучительно сладостное забытьё!

Забыть себя на грани между страданием и счастьем.

Самозабвение – удел изгоя и героя.

Он не мог решить, кем быть. И на всякий случай мнил себя одновременно по обе стороны баррикад.

Штраф – это было то, чего он жаждал и боялся. Штраф, а если честно – наказание, отличался от таковых у других Гуру особой жёсткостью. Да что там, натуральной жестокостью!

Учитель предпочитал линчевать провинившихся самолично. Боль от его руки являлась высшей наградой и райским наслаждением...

Страшась признаться самому себе, он слишком часто косячил. Слишком часто допускал мелкие оплошности, не вредившие заданию, но весьма вредившие его телу...

Допускал промахи полусознательно, ловя себя на охоте за любой возможностью ошибки...

В глубине души он верил: все люди – мазохисты.

А почему, иначе, на подвиги нас толкает не счастье, но горе? Не радость созидания, а слёзы боли?

Боль была его Богом. И всё, совершаемое им, делалось ради счастливой участи её вкушения.

Только так он умел радоваться жизни.

В жизни слишком много боли, места для чистого счастья не остаётся.

И умение наслаждаться страданием являлось единственным выходом из мрака мира в свет реальности.

Он научился строить собственную счастливую реальность в кольце оцепления непроницаемо тёмного зла.

И неважно, сколько надо заплатить за подобную реальность.

Радость от обладания подделкой для обездоленного счастьем человека равна радости соприкосновения с её подлинником.

Такова жизнь. Её не переделать, но прописать подспудные правила игры под силу каждому.

Так он и жил. В вероятном подстрочье подлинного мира.

Чуть опоздал на встречу... Немного затянул разговор... Выпил лишнюю чашку чая с «бездушкой» – так Гуру называл бродящие вокруг тела, лишённые души.

Не знающие Света Истины, они не могли иметь душу. Рождённые от таких же «бездушек», безмозглые куски мяса, они портили экологию планеты, вредили миру, потребляли кучу ресурсов, которые могли бы принести огромную пользу, попади они в руки настоящих людей, людей с душой.

Послушников Гуру.

Наставник исполнял Миссию, величайшую во все времена!

Он, взвалив на единоличные плечи всё бремя действительности, непосильное никому другому, кроме него, вёл мир в Рай.

В лоно Света и Чистоты. Вёл людей к Богу, давая им Знания.

Но, чтобы получить Знание, надо было обрести душу. Души хранились у Бога на особом, райском складе.

Настоящих душ было катастрофически мало. Их могло хватить только на избранных. На тех, кто услышит Глас Знания. Остальные будут вынуждены просто умереть, как умирает бездушный скот. Умереть безвозвратно. Врата в Рай закроются для них навсегда.

Замысел Бога был грандиозен.

Бог открыл Себя Учителю. Гуру был единственным человеком в истории, говорившим с Богом. Иисус, Моисей и прочие беседовали только с архангелами. В те времена не была рождена душа, чей масштаб позволил бы ей выйти на прямой контакт с Богом.

И вот – в наш век долгожданное чудо свершилось! Гуру был единственным, первым и последним человеком, способным говорить с Богом напрямую и дать людям, не всем, но избранным из них, Истину!

Подарить им право на душу.

Обессмертить их существование.

Провести человеческое счастье за пределы земного бытия.

И как только таких людей наберётся сто пятьдесят тысяч, наступит конец света. Апокалипсис. Бог наслёт особую чуму на «бездушек». Он выкосит их неизлечимой болезнью.

Мир очистится от скверны, войны уйдут в прошлое, и на Земле наступит Рай! Через Гуру Бог создаёт Рай прямо на Земле!

Для этого сто пятьдесят тысяч избранных получают нектар перехода. Это пища Бога. Нектар переведёт избранных в тонкое состояние, позволяющее жить в земном Раю. Грубые физические тела не приспособлены к жизни в Раю!

Он удостоился величайшей чести – соучаствовать в изготовлении нектара.

Учитель знал рецепт волшебного напитка.

И велел ему добыть слизистые пятнадцати рыб фугу. Конечно, он его добыл.

Гуру открыл ему тайну: эти рыбы подпали под благословение самим Богом. Их яд, в избытке содержащийся в слизистых, отправил прямым в преисподнюю тысячи бесовских узкоглазых «бездушек».

Все знают, что азиаты и негры напрямую произошли от демонических обезьян, и людьми их считать грешно!

После подвигов рыбы фугу Бог наградил её статусом священного убийцы.

Её яд поможет светлым душам покинуть нечистые физические тела и переселиться в долгожданный Рай!

В этот Рай спустится сам Бог. И войдёт в тело Учителя полностью.

Избранные знают, что Гуру является воплощением святости Бога в полном греха мире. Частица Бога вошла в этого уникального человека и стала его великой душой.

Но с момента воцарения Рая на Земле миссия Гуру не будет окончена. Едва Бог спустится в Рай и полностью сольётся с душой Учителя, Учитель станет Богом. И сейчас надо призывать Бога в душу Учителя, поклоняясь ему как Богу! Ведь он и так уже является Богом!

Касание Гуру очищает, как и касание Бога... Наставник твердил это пятое правило общей Истины всякий раз, наказывая сошедшего с пути Истины. Путь Истины очень труден в одоление, но иначе нельзя попасть в Рай!

Всего правил было семь. Первое гласило: Гуру есть Бог, поскольку Бог говорит через душу Гуру напрямую.

Второе правило приказывало всегда и во всём подчиняться Гуру.

Третье объявляло внечеловеческое, надземное величие Гуру.

Четвёртое правило подтверждало, что всем в мире владеет Бог, потому что именно Он всё создал. А значит, всё принадлежит Гуру. И вещи, и деньги, и еда, и жизни избранных, а также их души.

Шестое правило открывало глаза на Свет жертвенности во имя Бога, во имя Гуру. При малейшей необходимости надлежало убить себя ради спасения жизни и собственности Учителя.

«Бездушки» велись волей главного врага Бога – дьявола. Их следовало убивать, если не удавалось обратить в Веру. Если они отказывались от Истины, то не являлись избранными Богом и были прислужниками сатаны.

Дьявол создал все религии мира. Они, все до единой, были ложной Истиной.

Дьявол преследовал самую чёрную цель: он хотел организовать в мире Ад. И ему это почти удалось, столько бездушных тел заполонило Землю!

Поэтому седьмое правило великой Истины гласило: надлежит периодически очищать Землю от адептов ада.

Как? Это знал только Учитель.

Как только в районе, где проводился поиск избранных, они заканчивались (Учитель знал процент избранных в каждом районе, селе, городе, его слугам предстояло их найти и привести к нему), проводилась зачистка.

Убивалось по пятнадцать девушек в возрасте от шестнадцати до двадцати лет с рыжими волосами. Учитель говорил, что все они – ведьмы, присланные дьяволом в мир для размножения людей без души.

Убийство именно такого числа ведьм отбрасывало сатану на несколько лет назад и давало фору избранным от Бога для создания Рая на Земле.

Он любил убивать этих ведьмочек.

Заглядывать в глаза перед торжествующим мгновением смерти и видеть там яростное, но бесполезное сопротивление сатаны...

Всесилие и триумф Истины наполняло его бессмертную душу и прорывалось физическим наслаждением!

Как и в случае с наказанием его самого от руки божественного Гуру...

Гуру называл эти наслаждения моментами слияния с сутью Бога...

Но он предпочитал думать, что сливается с сутью самого Учителя...

Это представление возбуждало неимоверно!

И ему приходилось сдерживать себя, сдерживать изо всех сил, едва наставник касался его обнажённого беззащитного тела острой иглой, кожаной плетью или горящей сигаретой...

Пережить момент слияния с сутью Бога разрешалось только в конце наказания.

Но как же глубоко он ощущал бытие Истины и глубину, правдивость писанных и неписанных правил, и главное – божественность личности Гуру в эти долгожданные, выстраданные, выжданые, вымоленные у Вечности моменты!

Вечность умела ждать.

Ожидание не в тягость, когда время и пространство – не более, чем миф.

Ожидание – это миф.

Всё приходит вовремя.

Так что ждать не нужно.

Нужно наслаждаться.

Глава 4. Номер 1. Реальность Г

Ждать он не любил. Всё и сразу, чтобы как по маслу – таков был его жизненный девиз. А какой другой слоган отражал бы полномасштабнее Бытие в целом и его жизнь в частности? Ту количественно скудную совокупность лет, априори обесмысленных с момента её исчисления первым мгновением, с первого вдоха?

А вот жить он любил. Вернее, он полагал свой страх перед пустотой жизни за любовь к ней. Он любил деньги, навороченные машины, крутые особняки, элитных собак, редкие сорта вин, контрабандные сигары, дорогих шлюх. Всё, что можно купить. Всё, что можно продать. Всё, к чему он стремился, но не владел.

Поэтому он брал деньги везде, где мог до них дотянуться. Заработать много не удавалось, но бесчестные деньги буквально липли к его рукам.

Чем только он не занимался! В прошлом отслужил в полиции, исправно пополняя бюджет начальственных верхов за счёт жёсткой дойки тупых автолюбителей. Потом ушёл в шоу-бизнес и стриг обильные купоны с раздутых смет для наивных клиентов.

Вовремя сориентировался и использовал подвернувшуюся влюблённость. Нет, любил не он. Он никогда не влюблялся.

Но втюрившаяся в него девица, как водится, была готова на всё. По-своему, насколько мог, он был ей даже благодарен. Именно с её появления его жизнь вступила в фазу головокружительного карьерного взлёта.

Специалист по платной любви – так он себя называл.

Что вы, не сутенёр, хотя и от подобного источника дохода он бы не отказался. Но – специалист в любви. В платной любви. Специалист по съёму денег от влюблённых девиц и дам. Тот, кого можно любить платонически и физически, любить всем сердцем, но за определённую сумму. Сумма была неизвестна подпавшей под его обаяние девице, но с самого начала точно им просчитывалась.

Оправдание? Ах да. Он также являлся специалистом по самооправданию. Интересной он был личностью. Иногда, осознавая эту свою особенность, предавался острой прелести самоиронии. С одной стороны, насквозь циничный, обездушенный, лишённый чувств и жалости, сострадания и потребности в душевной близости, махровый эгоист, предельно конкретизированный в целях и задачах.

С другой – мастер по созданию, ладно бы внешнего, очень нужного в работе, но и внутреннего имиджа! Согласитесь, одно дело – наболтать дамочке, съехавшей с катушек на почве гормональной бури, о временном бедственном положении, о безоблачном (совместном с ней, разумеется), всем обеспеченном будущем, о вилле на берегу Тихого океана, о весёлых детках...

И совсем иное – нарисовать себе самому картину героя, борющегося за справедливость в заведомо несправедливом мире, героя, действия которого неизменно оправданы и столь необходимы умирающему в конвульсиях человечеству!

Он смеялся сам над собой. Он, уверенный в жизнестойкости нынешней цивилизации именно по причине её безжалостности, презрения к морали и псевдочеловеческим псевдоценностям (человек – это животное, и нечего отдавать столько сил на поддержание самообмана!), вдруг, при появлении у него новой цели и даже в процессе её достижения, начинал неистово обвешивать стены своего внутреннего мира яркими постерами с надписями типа: «Я не плохой – просто говорю с людьми на их языке!», «Выживает сильнейший, бери то, что плохо лежит!», «За всё надо платить, а за возможность любить – тем более!».

Короче, он был абсолютно уверен, что творит доброе дело, опустошая счёт очередной влюблённой в него идиотки, присваивая себе её квартиру или автомобиль, да и примитивно

сбегая с полученной кругленькой суммой на откуп от страшных дядь-бандитов, грозивших жестоко расправиться с её возлюбленным...

В этом беспощадном и холодном мире он грел людей теплом их собственных душ, раскрывал в них любовь и возрождал надежду на счастье... И не имело значения, что спустя месяц или год (каждая дурёха имела индивидуально определяемое время для сброса всех защит разума и интуиции) надежды с грохотом рушились и хоронили под осколками ростки счастья. Хоть немного, но эти бабы любили!

Значит, он вполне законно присваивал их деньги, квартиры и машины. И данная законность подтверждалась ещё одним фактом: он ни разу не попался!

Доисторическая суеверность и склонность видеть знаки в мире вокруг – откуда у него эта напасть?!

Если, отправляясь на свидание, он видел на едущем впереди авто номер «555», – всё сложится просто супер!

Три семёрки предсказывали удачные переговоры с виртуальными девицами. Рассказывать сказки и заставлять собеседника поверить в их реальность он умел, талантливо умел!

И неудивительно, что какая-нибудь училка из занесённой снегами Сибири охотно и неоднократно вышлет требуемые суммы попавшему в беду американскому полковнику, несущему службу в далёкой и опасной Африке... Рубленое, подчёркнуто мужественное лицо с фотографии (ведь пользоваться скайпом сотруднику армии категорически запрещено!) смотрит на туповатую дамочку с мужской, суровой любовью.

А вот три четвёрки он ненавидел. Не знал, почему, вроде как в нумерологии, типа науки про числа, которую он не поленился изучить, цифра 4 наделялась весьма положительными характеристиками. Но при виде неё в груди что-то болезненно сжималось.

И, конечно, во что веришь, то и работает.

Едва он видел где-нибудь хоть одну четвёрку, знал: будут трудности. Две четвёрки говорили о больших проблемах. Три четвёрки он видел однажды, и они буквально кричали о надвигающейся беде. И действительно, в тот же день, обедая у себя дома, он вдруг отключился. Ни разу в жизни с ним не случались обмороки. 32 года, здоров как бык...

Так вот, придя в себя, он первым делом бросился не звонить в скорую, а к видеокамере. В его квартире камеры были установлены повсюду, на всякий случай. И вот случай, хоть не всякий, но представился.

К сожалению, запись шла не с начала. Дурацкая привычка экономить, давно надо было поменять камеру на таковую с функцией ночной съёмки! Ну да ладно. С немым изумлением он созерцал бродившего по комнатам незнакомого мужика!

Навскидку – чуть за тридцать, с фанатичным блеском в глазах. Явно психически нездоровый. Как он проник в его жилище, оставалось загадкой. Мужик что-то вроде искал. Заглядывал в шкафы, за занавеску в ванной. Видок у него был слегка ошарашенный, но он словно привык, что ли, пребывать в состоянии постоянной ошарашенности. Наркоман, и, наверное, сидящий на синтетической дури...

Уход визитёра тоже оказался загадочен. Свет снова погас (провалились бы в ад уроды-коммунальщики, за что бабки отгребают, непонятно!). И мужик исчез! Естественно испарился, словно его и не было!

Он пришёл в себя от рёва сирены за окном. Где-то адово пламя пожирало чью-то хату или офис.

Поднялся с пола (вырубившись, видимо, навернулся со стула). Ощупал тела. Всё цело. Голову ему странный посетитель не проломил.

Будучи дотошным, не поленился даже отнести обед на экспертизу! Наркоты там, клофелинов всяких или ещё какой сонной дури не нашли.

Что за чертовщина...

Глава 5. Номер 1. Реальность Б

В чёрта он не верил. В Бога тоже. Не видел ни того, ни другого, ни их проявлений на Земле.

Зато вдоволь насмотрелся на лицемерных, ни на йоту не религиозных священников, слепо следующих воле кормящих их богачей. Он много раз видел, как меняют людей, их выборы и мир вокруг не Бог и не дьявол, но – убеждения и деньги.

У него был выбор веры. Он поверил в деньги.

Быть может, он всегда грел в себе эту веру и замечал лишь то, что её подтверждало? Возможно.

Дураком он отродясь не был и подмечал порой интересные факты о себе, подлинном, и других, настоящих.

Замечательным он был человеком – всё замечал.

Да, только в таком смысле этого слова. Потому что задание, которое ему поручено было выполнить, выносило мнение людей о нём, его характеристику далеко за пределы всех веками привычных человечеству моральных норм и религиозных догм.

Убийство? А почему бы и нет. Человек – это зверь.

Не животное, а именно зверь! Тысячелетиями эволюции натасканный на кровь и насилие, на жестокость и беспредел.

Человеческий мир намного сложнее мира примитивных травоядных. Жующие траву траве и подобны. Ленивые, глупые, ничего не созидрующие твари.

Звери, то есть хищники, – они умные. Зверь создаёт среду. Ситуацию, необходимую для поимки травоядной тупой твари. Хищник – синоним характера и силы воли. Хищник – прототип и эталон человека.

Человек хитёр. Он лишь создаёт иллюзию стадности. На самом деле в многомиллиардном прайде человекоподобных зверей каждый сам за себя. За божка собственного эгоизма. За избранные наслаждения. За еду, секс и желательно бесплатные развлечения.

И каждый другому – враг.

Да и себе, если честно, не друг тоже.

Обман и самообман правят реальностью мира.

Никто не воспринимает нежелательное к восприятию.

В человеческом мире побеждает не просто сильнейший, а тот, кто сумеет лучшим образом мимикрировать под личину любви, самопожертвования, заботы...

Загнать зверя под шкуру доброты. Стать беззащитным и оттого либо ненужным, либо наоборот, крайне необходимым для пропитания другого.

А что, жрать друг друга дано не только физически, но и эмоционально, например. Такое паразитирование на психике соседа по миру называется любовью. Типа, сделай меня счастливой (или счастливым, мужики сейчас слабее баб стали), чтобы я могла прятаться в своём счастье от коварного мира и набираться сил для новой на него атаки.

Был бы Бог – сердце было бы одно, настоящее, живое. В Нём. А в безбожном мире сердец несколько. Поддельные, их биение держится на искусственно поддерживаемом кровавом обороте денежного потока и общей глупости, бессознательности людей. Люди не хотят думать, они жаждут развлекаться.

Исчерпав ресурс развлечения в одном месте, тут же перебегают в другое.

Черeda разочарований – таков удел бессознательного человека. Удел псевдочеловека. Удел бездуховного быдла.

Торговля, наука, вера, искусство и институт семьи – всё фальшивки. Пародии на истинно человеческую жизнь.

Имитации души. Людишки, мнящие себя важными, а свою деятельность чуть ли не спасающей мир, эти учёные, писатели, артисты, врачи, учителя... Шизофреники с манией величия.

Он был недостаточно глуп для наивного убеждения в денежном единоправлении миром. Повидал людей, насмерть отрицающих власть денег над ними, отрицающих искренне. Эти люди верили в убеждения. В чужие и свои идеи. В спасение мира врачеванием, научными достижениями, Богом, любовью...

Любовь спасёт мир... Как бы не так! Он выбрал для себя умереть именно с данной фразой на устах. Не с тем девизом, который нравился религиозным фанатикам, зачем-то верящим в необходимость убивать других людей ради Бога. Если бы Он и был, какое Ему было бы дело до своры жалких людишек на затерянном в космосе каменном шарике?

Любовь спасёт мир! Эту фразу он выкрикнет в последнее мгновение перед нажатием звонка в дверь Смерти. Пояс, начинённый взрывчаткой, доставит их всех в Её величественные владения за долю секунды. Бах – и всё! Конец бессмысленной жизни. Конец мучениям. Конец ненависти. Конец любви.

Он дождался. Ему дали задание. Он должен будет взорвать себя на концерте. Чёртово искусство! Хотя он больше уважал его, чем ненавидел. Кино, песни, книги врали людям столь же искусно, как и он сам.

Искусство – вот высший пилотаж лицемерия и вранья через создание абсолютно нежизненных реалий и форм. Жвачка для бездумного простолюдина, кем бы он себя там ни мнил – знатоком-киноведам или учёным высшей пробы. Приманка для слабаков, потому что только они сбегали в иную, фальшивую реальность от тяжести повседневных будней.

Поэтому все они достойны смерти. Смерть забирает худших. Таких, как они. Таких, как он.

Он тоже считал себя слабаком. Человеком-отбросом. Выкинутым на помойку куском мусора. Ненужным, не получившим ни грамма даже поддельной любви, выродком.

Выродком, не достойным даже подделки любви.

В несчастье крылась его сила.

Упиваясь ненавистью к себе, он явственно ощущал, как за спиной раскрываются крылья несомой им смерти.

Глава 6. Номер 1. Реальность В

Гуру дал ему задание. Счастье переполняло сердце. Его выбрали, ему поручили важнейшую из всех миссий! Он должен спасти оставшихся избранных и уничтожить посланников дьявола. Отправить их напрямик в ад, и пусть прохождение ими Врат Смерти окажется поистине ужасным событием!

Наставник владел абсолютной истиной. Он Сам был её воплощением. И когда все избранные соберутся вместе, Учитель в последний раз совершит с ним акт наказывающей любви.

Любви настоящей, любви божественной.

Настоящая любовь несёт боль и муки. Любовь, дарующая счастье без боли, – фальшивка, искушение дьявола. Человек грешен и обязан пребывать в страданиях до полного очищения.

Последний раз Учитель очистит его душу от греховности этого мира. И потом все они перейдут в Рай на Земле. Перейдут ласково и блаженно, в экстаз не одиночного очистительного акта, а в вечность божественного наслаждения...

На этот раз избранные соберутся на концерте известного исполнителя. Говорят, там и клипы покажут! Он любил музыку, а особенно почитал кино и вообще всяческие изображения: они позволяли ему предаваться фантазиям о новых очищениях, совершаемых усилием великого Гуру. Наставник велел ему просматривать по фильму в день, позволяя невероятную милость – он сам мог выбирать себе кино!

Он выбирал фильмы для взрослых... Привыкший опираться на волю Учителя, он подрастерял навык воображения. А фильмы для взрослых предполагали отсутствие творческого напряжения. Он предпочитал фильмы о близком общении мужчины и женщины, потому что именно в женской ипостаси воспринимал себя во время соединения с Наставником.

Женщина жила внутри него, женская душа обитала в отчего-то мужском теле...

Может быть, в этом крылась причина его глупейшей ненависти к представительницам более материально воплощённого прекрасного пола?

Удовольствие, с каким он убивал бесовских девиц, было невыносимо острым!

На этот раз тест на избранность оказался очень простым. Не предстояло ни беготни по квартирам, ни приставания на улице к незнакомым людям с расспросами, ни переписки в соцсетях... Финальный этап отбора, как пояснил Учитель, характеризовался максимальной простотой.

Потому что сила всех избранных, найденных прежде, открывала доступ Богу в этот мир. И Бог сам решит, кто есть Его душа.

А ему останется лишь добавить яд в шестьдесят шесть бутылок питьевой воды. Владелец воды, сам избранный, предоставит ему доступ к бутылкам.

Шестьдесят шесть – столько демонических душ уйдёт в ад. Оставшиеся люди окажутся избранными. Концерт проходил в закрытом помещении для социально значимых людей. Бомонд, золотая молодёжь... Всего ожидалось сто восемьдесят человек.

А те, кто придёт в дополнение, тоже станут посланниками дьявола. Но о них Гуру приказал не беспокоиться. Спустя три дня после перехода избранных в Рай на Земле материальному миру планеты наступит конец.

Оставшийся избранный, один из них всех, запустит Третью мировую войну.

Они долго, невыносимо долго добивались его восхождения на пост управителя одной ядерной державы. С самого начала он знал о своём предназначении.

Великий жертвенник. Взорвав старый мир, он уничтожит и ад в придачу. Дьявол, дьявольские души, и его святая душа тоже, сгорят в огне атомного шторма.

Но он обеспечит светлое будущее в раю если не себе, то обязательно – любимым детям и любимой жене, тоже избранным.

Они же, пребывая в Раю, будут чтить вечную память о нём и вечно же благодарить его за добровольно жертвенную смерть.

Глава 7. Номер 1. Реальность Г

Смерть... Её он боялся больше всего в жизни, притом её жаждал и ненавидел.

Ненависть приближала его к роковой черте, к точке невозврата. Ненависть питала его любовь. Он любил ненавидеть и жизнь, и смерть. Он любил ненавидеть себя. Он ненавидел любить себя. Он вообще категорически предпочитал себя всему остальному миру.

Секс с собой не есть ли наисладчайшее из всех доступных удовольствий?

Поэтому он регулярно снимал проституток.

Плотская страсть, а точнее – имитация оной с продажной душой и в долларах измеряемой ценой тела, не есть ли это самый настоящий акт самоудовлетворения?

Когда нет нужды отдавать тепло сердца касаниям рук.

Когда духовное и плотское не смешиваются, не сливаются воедино.

Когда мир и любовь представляют собой лишь то, чем ты хотел бы их видеть.

Олицетворением подлинной брэнности. Конечностью бытия. Смертью. И обречённостью на невозврат.

Ненависть к себе была его истинной любовью. Отчего-то он всегда знал, что недостойн жить.

Нестойн творить, даже разрушать!

Единственное, чего он оказывался достоин, – это безудержное стремление к наслаждению. Безудержное стремление. К безудержному наслаждению.

Раб желания и страха.

Раб сомнения и лицемерной, безверной веры.

Раб внешнего впечатления, раб ритуала.

Раб иллюзии, одним словом.

Он верил исключительно в материальность бытия. Вера заменяла ему реальность. Материя подменяла его дух. Настолько, насколько могла. Но ему и не требовалось слишком многого.

Он сам хотел, жаждал лгать себе.

И любую ложь извне, схожую с собственной, вкраивал в картину фальшиво выношенной реальности, достраивал недостающим пазлом некомпетентность личностного «я».

И если бы кто-нибудь поведал ему о грядущей встрече с истинной любовью, он бы рассмеялся горе-предсказателю в лицо. Цинично и хладнокровно. С подчёркнутой обыденностью, с десятилетиями выношенной привычкой насмеяться над болью. Над страданием. Над следами.

И неважно, своими или чужими.

Цинизм был его способом защититься от непонимания. От самоосуждения. От душевной, сильнейшей из всех, безжалостной боли.

С другой стороны, внешнее очерствление души служило ему подспорьем от внутренне созревших и тянущихся наружу потребностей духа.

В каждом встречном он презирал в первую очередь себя самого.

Смерть... Она была для него одновременно спасительным уходом от давящей неотступности мира и ловушкой для перенапряженного страхами и желаниями эго.

Ибо он ощущал: окончательно разгрузиться не суждено никому.

Смерть – не более чем очередная иллюзия.

Её не существует, и поэтому личностное бытие страшило в полномасштабной мере.

Он никогда не сможет уйти от себя самого.

Он пленник индивидуальной доли, личного удела.

И лишь прохождение, проживание данного удела сполна даёт шанс на обретение подлинной свободы.

Свобода персонального «я» – удовлетворение этой, наиболее насущной из всех потребностей, сподвигало на принятие вызовов и, самое главное, их преодоление.

Борьба за свободу воли и опасения перед ответственностью за принимаемые решения и наполняли силой, и обесточивали вконец.

Он не знал, как жить, и поэтому просто жил.

Без мыслей, без смысла, без осознания, без понимания причин.

Он просто жил.

И был одновременно и властителем, и жертвой этой вынужденной простоты.

Музыку он ненавидел. Парадокс: он, профессиональный мошенник, прожигатель жизни и профессиональный музыкант, обладающий абсолютным слухом и впечатляющим актёрским и певческим талантом, ненавидел музыку! Ненавидел всей душой, всем сердцем, так полно-масштабно, что ненависть к чему-то или кому-то другому казалась бледной тенью на фоне грандиозности тьмы его ненависти!

Тени быстро исчезали из памяти, ускользали от восприятия. Он не помнил проклятий, обильно сыпавшихся ему вслед от обманутых людей. Не помнил зла, которым пытались ему отплатить жертвы его махинаций.

По факту, он не помнил собственного зла.

И вполне искренне считал себя прекрасным человеком.

По крайней мере, ничуть не хуже, а то и гораздо лучше блуждающей по дорогам жизни серой органической массы, глупо и гордо именующей себя человечеством.

Небрежно кинул на пол концертный костюм. Если бы мог дать себе волю, истоптал бы его ногами, разорвал в клочья, стёр в пыль...

Музыка... Опять эта чёртова музыка! Опять придётся насиловать себя, заставлять слушать мелодии и петь...

Он ненавидел петь. Он ненавидел быть искренним с собой. Ненавидел и панически боялся.

Потому что позволение быть искренним с собой означало необходимость принять правду о себе.

А как её не принять, когда поёшь самым сердцем.

Он всегда пел сердцем. Лишь на сцене он сбрасывал маски и обнажался. Не телом, конечно, но душой. К чему этот дурацкий костюм, если душа нараспашку?..

Страх самопринятия был настолько велик, что срабатывал защитный механизм психики. Забвение.

Он забывал всё, что с ним происходило на сцене. Весь концерт стирался подчистую. Из жизни выпадал и целые её куски! А страх утратить контроль над ней и над собой вгрызался в сознание с нарастающей силой.

Ужас перед неизбежно подступающим моментом вспоминания себя настоящего давил тяжкой безысходностью могильной плиты. После того, что он вспомнит о себе, жить ему уже будет невозможно...

Хлопнув дверью, он стремглав выбежал во двор. Бросил затравленный взгляд на машину. Сердце заходило в захлёбывающемся тахикардическом ритме.

Страх смерти отзывался в душе паникой перед замкнутыми пространствами. Ничего, сейчас он пробежится до концертного зала, здесь недалеко, и полегчает. Свежий воздух и энергичность движений вернут трезвость восприятия.

Линии дорог и тротуаров, высота неба разломают сдавленность границ его иллюзорного, но тщательно оберегаемого мирка.

Главное – выйти на сцену. Войти в музыкальный ритм. Сбросить личины и выпустить на волю самого себя.

Тот, настоящий, никогда не страдал клаустрофобией. Откуда он взял эту уверенность, неизвестно. Но она была, она жила и грела сердце.

Ворвавшись в зал, он споткнулся о взгляд своей партнёрши по дуэту, безголосой, но смазливой девчонки.

«Будет беда», – кричал страх, тёмной тенью пляшущий в её глазах. Девица обладала незаурядным чутьём на поджидющие за углом неприятности.

«Будет», – мысленно согласился он с ней.

Только на этот раз беда не ждала в засаде. Она намеревалась атаковать с кровожадной стремительностью голодного хищника.

Могильная тяжесть так и не вымелась из сердца после энергично-истеричной пробежки. Мир сомкнулся в жёсткий предел замкнутого кольца.

Глава 8. Номер 1. Реальность А

Он шёл на концерт, потому что там была она. Там была ОНА, это чудо! И это чудо, чудо встречи со своей первой и единственной любовью, оживляло и окрыляло его сердце.

А для сельчан было ясно, ясно, как Божий день, что он пошёл в это логово разврата с единственной, несомненно благой целью: ещё раз безжалостно подчеркнуть грехи современного мира.

Чужие грехи были основой его собственной добродетели. Честно говоря, если бы не чужие слабости, желания, ошибки и нарочито причинённое зло, он никогда бы не сделал карьеру внешне высокодуховной личности.

Блестать чистотой на фоне общего, извините, дерьма – этот примитивный способ самоудружения на пьедестал работал во все времена.

А иначе зачем критиковать и осуждать происходящее вокруг? Исключительно ради возможности излияния избытка переполняющей душу желчи и ненависти к себе и миру?

Извините ещё раз, но такой подход к проживанию жизни и траты времени он считал крайне нерациональным и глупым. Только травоядные неразумные твари проживают жизнь подобным образом.

А человек – это звучит гордо!

Гордыню можно и нужно использовать себе во благо! А чтобы всё получалось, требуется думать, а не перебирать застрявшие в голове шаблоны и стереотипы.

Он был в курсе, что обычным священникам думать не полагается. Но сейчас людей не возьмёшь голыми эмоциями.

Люди стали умнее, им требуются доказательства веры. Доказательства её эффективности. В поиске таковых доказательств он и видел смысл своей жизни.

Бог – умнейшее существо в Мироздании. Без обладания Сверхразумом Он не создал бы всей видимой и невидимой грандиозности Бытия!

Он преданно (ну, вроде как преданно, ритуалы соблюдал, как положено) служил Богу. И верил, что преданность будет оценена и должным образом вознаграждена. В противном случае, какой смысл работать? Его служение и есть работа, не правда ли?

Но почему же ему так и хотелось крикнуть себе: «Неправда!» Почему его собственное сердце отказывалось доверять очевидно неоспоримым доводам рассудка?

Почему с непреодолимым упорством он отказывался принимать истинную причину своих вылазок в нашпигованный грехами мегаполис?

Ну хорошо, допустим, обманывать прихожан ему полагалось по работе.

На ближайшей проповеди он покажет им серию отвратительных фотографий пьяных людей, валяющихся в лужах блевотины. Грязных потаскух со страшными размалёванными лицами... Обдолбанных в ноль наркоманов со стеклянными взглядами.

Пусть приходят в ужас, подавляют рвотные позывы от созерцания всей этой городской «красоты»!

Лишь бы потом снова приходили к нему и щедро сдавали жертвенные деньги.

Ну как он мог принять свою жажду этой всей «красоты», неутолимую потребность соприкасаться вплотную с мирской грязью, с деяниями сатаны!

И всё из-за главного греха – запретной любви. Любви, запрещённой его религией. Нельзя ему любить женщину и хотеть её. А он любил. И хотел. Иногда настолько сильно, что желал ей смерти. Любил вплоть до ненависти. Или ненавидел до любви...

Прежде чем увидеть её в зале, он увидел её в сердце. Он видел её постоянно. Но одна мысль о физической встрече вызывала панику. Нет, он, конечно, видел её во плоти перед собой много раз. Вернее – то сзади, то сбоку. Он следил за ней двадцать лет, с того самого мгновения,

когда впервые осознал: она существует. И почувствовал аромат греха. И постиг: любовь так же реально мучает и губит душу, как и ненависть.

Он целую неделю выбирал в магазине костюм для концерта. Это должен был быть совершенно новый костюм. Не пижонский. Строгая классика.

Требовалось стать своим, затеряться в толпе. На служителя культа в рабочей униформе сразу обратили бы внимание. Прежде всего – она. А он хотел остаться незамеченным, чтобы получить возможность грешить в удовольствие. Он, скрытый от её глаз, будет лицеизреть её красоту. И любить её.

Он позволит себе там, на концерте, стать собой. Настоящим.

Иногда, для того чтобы открыть своё подлинное «я», надо надеть чужую личину. Спрятаться за ней. Чтобы ни один взгляд не проник за ширму. Разоблачиться. И жить.

Позволить страху принятия правды о себе раствориться в наслаждении от неё. Наслаждение собственной греховностью... Не есть ли он на самом деле сын сатаны?

Этот ли страх напознал чёрной тенью на его измотанную борьбой душу? Он не собирался посвящать крупички доступного удовольствия какому-то глупому страху... Но пришлось.

В первый раз в рамках грядущего события он испугался, посмотрев в зеркало.

Завязывал узел на галстукке автоматически. Думая о ней.

И, едва вернулся в сопредельную его бытию реальность, закричал.

Из зеркала на него смотрел вроде он сам...

Но на самом деле – совершенно чужой человек.

Холодные глаза горели огнём адской ненависти.

И демонической решимости.

Решимости служить злу, и служить преданно, вплоть до гробовой доски.

Маньяк, служитель кровавого культа – с его лицом. С чужими глазами.

Созерцать чужака в зеркале было невыносимо.

Сознание не соблаговолило покинуть пределы его реальности.

Он кричал и кричал.

Пока не обессилел вконец.

Пока не свыкся с новым лицом в зеркале.

Пока ему не стало всё равно, кто он и как выглядит на самом деле.

Окрепшее равнодушие к собственной судьбе стало новым стержнем в его личности.

Какая разница, кто он и каким идеалам следует?!

Главное – за множеством лиц он оставался собой.

Маленьким мальчиком, выброшенным на обочину жизни.

Ребёнком, которого никто и никогда по-настоящему так и не полюбил.

Младенцем, который «благодаря» силе ненависти родителей духовно умер задолго до своего рождения.

Едва он вошёл в фойе, с шеи сорвался нательный крестик. С глухим шелчком лопнул кожаный шнурок.

Крест застрял на полпути. Зацепился за складку одежды, упав в её спасительный полумрак...

Такого в его жизни не случалось ни разу. Осторожно запустив ладонь за пазуху, он нашарил крестик и извлёк его на свет Божий. Недоумение превратилось в гадостное предчувствие и пробежало мерзкими ледяными касаниями вдоль позвоночника, снизу вверх, скользкой гадюкой вынырнув из щелей между выложенных полом гранитных плит.

На обратной стороне креста застыл отчётливый женский силуэт...

Дрожь внезапной волной сотрясла тело. Угасающим звоном изящно оформленный металл оповестил о соприкосновении с тяжёлой каменной плотью...

Игра судьбы... Насколько жестокой она иногда бывает!

Глава 9. Номер 1. Реальность В

Гуру говорил, что Бог наслаждается насилием. Насилием над злом. Гуру был ярким сторонником искоренения зла насилием. Насилие... Сколько сладострастия таило в себе это слово! Насилие... Его отношения с гуру. С миром. С собой.

Насилие... Суть самой жизни!

А разве секс, дающий продолжение жизни, не является насилием хотя бы отчасти? Секс без агрессии, без наступательного мужского начала, невообразим.

Насилие даёт жизнь.

Но вот какого качества будет эта жизнь, неизвестно. Впрочем, данный вопрос не волновал его сознание.

Его бытие полностью сфокусировалось на обслуживании бессознательных импульсов.

Животных импульсов бегства от боли и гонки за всеми возможными наслаждениями.

Игра с жизнью и игра со смертью.

Он играл в любовь и наслаждался игрой. Иногда ему казалось, что Учитель определил не то место для его действий. Сцена влекла и звала его! Частенько, после высочайшего пика удовольствия, перенеся очередное заслуженное наказание от наставника, он предавался наслаждению иного типа.

Он представлял себя на сцене. Поющим, играющим, танцующим – не имело значения. Он был на сцене, на него смотрели сотни влюблённых глаз!

Он был эпицентром любви. Его любили.

Насилие и боль ради любви? Или вместо любви? Возможно ли такое?

В его случае такое было возможно.

Как возможно, что Бог любит всех.

Но каждого, очевидно, любит по-разному.

По какой иной причине одному Он даёт любовь в чистом виде, а другого наделяет её отражением во вроде бы чуждой форме?!

А вот интересно, человек в принципе может любить по-настоящему? Или каждый из многомиллиардной толпы двуногих нянчится со своей, лично подогнанной, подделкой любви?

Глава 10. Номер 1. Реальность Б

Он наслаждался доставшейся ему любовью-насилием. Наслаждался, пряча чувство беспомощности и полной незащитности перед миром. И каждый раз, убивая, играл в Бога. Бог всемогущ. Бог всё может. И дать жизнь, и забрать.

Но он обладал лишь даром забирать жизни. Дар это или проклятие? Куда он денет забранные жизни и к чему они ему...

Странная игра за счёт некоего другого, кто мог и создавать, и отнимать бытие...

Что-то фальшивое крылось в его жизни. В его игре... И эта фальшь беспокоила с каждым днём всё больше. Хотя о чём тут было беспокоиться, уму непостижимо...

Но каковой оказывалась процентная доля ума в столь странном поединке с доставшейся многоличностью?

Он вёл непримиримую войну с упорно живущей в нём совестью. Живучая тварь, как он ни старался, не смог её извести!

Он и совесть – оба были заклятыми врагами, сошедшимися в безжалостном поединке. И ум, подчиняясь приказу обезумевшего от власти эго, категорично отделял друзей от врагов.

Жаждающих власти и денег от страждущих знаний.

К чёрту знания!

Зачем они вообще понадобились конкретному в априорной заданности уму! Есть задача, есть путь её решения, и баста! И всё, нет надобности в философской брехне, в психологических наворотах!

Реальность определяет сознание, понятно! И слушать ахиною о первопричинности сознания, о его роли в создании мира личности и самой личности воистину угнетала.

Воистину...

Истина...

Как мало он знал об истине... Что она, по сути, такое?

Принятая в мире точка зрения на ту или иную ситуацию или же новая, принципиально иная трактовка действительности?

Взорвать бы весь этот безумный мир к чёртовой матери!

Глава 11. Номер 1. Реальность В

Он натянул через голову заношенную серую водолазку. Запах дешёвого стирального порошка резко ударил в нос.

Чистота превыше всего в жизни!

Учитель повторял: нельзя привлекать внимание вычурной униформой или грязной одеждой. Кричащие цвета, например, оранжевая тога, сразу же вызовут у людей привычную оценку: «сектант»!

Все послушники одевались в обычную повседневную одежду. Стирали её ежедневно. Парфюмом не пользовались.

Ничто не должно цеплять внимание собеседника и отвлекать его от взгляда и слова служителя культа.

А сам служитель во время инициации клялся навсегда сохранять контакт со взглядом и словом Учителя.

Фотографии Гуру смотрели на него со стен квартиры, из обложки паспорта, из нутра бумажника.

Он подошёл к центральному изображению наставника.

Обязательный ритуал перед выходом на задание.

Зажёг свечи перед вправленным в золочёную раму снимком. Гуру повелительно созерцал ученика сверху вниз. Виновато оглянувшись, он коснулся кончиком мизинца висевшей на стене фотографии. Всё на свете он бы отдал за одно прикосновение к божественному телу Учителя...

Опустился на колени, сложив руки над головой в просительном жесте.

Пальцы сложенных вместе ладоней смотрели вверх, умоляя Гуру дать силу и благословение.

Губы шевельнулись, но молитвенные слова так и не слетели с них.

Звук удара подбросил его вверх.

Вскочив на ноги, он растерянно таращился на разлетевшиеся по комоду осколки. Несколько свечей, продолжая гореть, катились по полу.

С каждым вдохом воздуха в комнате становилось всё меньше. Непонятная паника поднималась из глубины его существа и чёрной волной заливала душу. Всё глубже погружаясь в состояние недвижимой безысходности, он созерцал её.

Часть фотографии, клочок изображения, оторванный от какого-то общего снимка...

Ничего особенного на нём не было.

Просто девушка. Симпатичная. Голубоглазая и темноволосая.

Никогда в жизни он не видел её. С его фотографичной памятью на лица он готов был поклясться в этом.

Но тогда откуда он её знал? И отчего это знание отзывалось в сердце столь непереносимой болью?

Должно быть, фотография и сама девушка имели особое значение, раз клочок удостоился высшей чести быть спрятанным за изображением Гуру...

Наверное, сам Учитель вручил ему часть фотоснимка и указал место хранения. Никто бы не решился на подобное святотатство – соприкоснуть лик высшего существа, Наставника, с фотокарточкой грешного мирянина...

Запах горелой бумаги вывел его из ступора. Со стоном он заломил руки. Фотография Гуру успешно догорала в буйно расплывшемся пламени.

Метнувшись на кухню, он схватил бутылку с водой. Вбежав в комнату, принялся усердно поливать огонь, нагло танцующий на прахе его святыни. И еле успел отскочить.

Из-под его руки к потолку взметнулся целый столб смертоносной энергии.
Чёрт, как он сподобился перепутать?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.